

16. Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Причеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. Грозный, 1961. С. 47.
17. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 138.
18. Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974. С. 10, 15.
19. Польская Е. Б., Розенфельд Б. М. Дорогие адреса. Ставрополь, 1974. С. 21.

УДК 940.1 (410)

Крючкова Наталья Дмитриевна

ИДЕЯ ЖЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАТОРСКОЙ МИССИИ НА РАННЕМ ЭТАПЕ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (30–50 ГОДЫ XIX В.)

В статье рассматривается формирование концепции женской цивилизаторской миссии в ранневикторианский период. Идея женского морального влияния, основанная на доктрине разделенных сфер и эволюционистских воззрениях эпохи, открывала имперское пространство для женщин. В фокусе внимания автора оказываются существующие в викторианскую эпоху дискурсы о женской эмиграции, которые анализируются с точки зрения концепта «цивилизаторская миссия».

Ключевые слова: цивилизаторская миссия, женская эмиграция, имперское пространство, колонизация, эмиграционная пропаганда.

Kryuchkova Natalia D.

THE IDEA OF FEMALE CIVILIZING MISSION IN EARLY STAGE OF BRITISH IMPERIAL EMIGRATION (30-50-s OF THE XIX-th c.)

The article deals with the formation of the conception of women's civilizing mission in the early-Victorian period. The idea of female moral influence, based on the doctrine of «separate spheres» and evolutionary beliefs of the epoch, opened the imperial space for women. The author focuses on the Victorian discourses on female emigration, that are analyzed in terms of the concept of «civilizing mission».

Key words: civilizing mission, female emigration, imperial space, colonization, emigration propaganda.

В последние несколько десятилетий тема «женщины и империи» утвердила свое место в историографии. Интеллектуальная изоляция исследователей женской истории и историков империи начала разрушаться после выхода «Ориентализма» Э.Саида, работы, которая привлекла внимание сторонниц феминистского подхода к колониальному дискурсу. К настоящему времени накоплен богатый опыт в области изучения проблем взаимоотношений европейских и туземных женщин, связи колониализма и феминизма, в исследовании транснациональных аспектов суфражистского движения [4; 11].

Логичным результатом усилившегося интереса со стороны ученых к проектам, связанным с гендером и империей, стало проведение научных исследований того, что составляло самую востребованную часть женской активности в империи – организации женской эмиграции в колонии и доминионы. Джулия Буш называет организованную внутриимперскую эмиграцию одной из успешных историй женского империализма» [5, р. 146]. Исследования по женской эмиграции, в отличие от многих других работ по проблеме гендер-империя, сконцентрированы не на Азии и Африке, а на Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке, составляющих основные миграционные маршруты конца XIX – начала XX вв.

«Белые» переселенческие колонии представляли собой менее проблематичное пространство для включения женщин. Прежде всего, они не завоевывались и их существование не полагалось на военную силу. Контакты с туземным населением часто были опосредованными, по крайней мере, европейцы не ощущали себя изолированным меньшинством, окруженным туземцами. Населенные европейцами или непосредственно англичанами, имеющие схожий с Британией климат эти колонии менее драматично контрастировали с метрополией. Чаще всего они представлялись как продолжение дома, как «другая Англия».

Исследования эмиграции женщин в колонии и доминионы самым тесным образом связаны с разработкой проблемы идеологии женского империализма. На этот феномен обращают внимание

чаще всего применительно к концу XIX – началу XX вв., когда он находился в зените своего влияния. Однако его существование прослеживается намного раньше и связывается с оформлением концепции цивилизаторской миссии женщины, составившей основу идеологии женского империализма.

Говоря об идее цивилизаторской миссии вообще, безотносительно к полу, необходимо отметить ее достаточно длительную историю. Лежащие в основе миссии представления о европейском превосходстве утверждались на протяжении, по крайней мере, четырех столетий к моменту оформления самого термина «цивилизаторская миссия», появившегося в эпоху Просвещения [2, с. 238]. В Великобритании идея цивилизаторской миссии основывалась на мифе о превосходстве не просто европейской цивилизации, но именно британской. Британия представлялась как центр империи, центр Европы, центр мира, чья миссия – привести к цивилизованности не только Восток, но и Запад. Американская исследовательница Диана Арчибальд, изучавшая проблемы имперских репрезентаций в викторианских романах, пишет о неизменном использовании антитезы, когда «добродетельная, благородная, моральная, респектабельная, комфортабельная, привлекательная и/или заслуживающая доверия старая Англия противопоставляется дикому, грубому, безнравственному, вульгарному, неприличному, жестокому и/или лицемерному Новому Свету» [3, р. 4]. В викторианский период к представлениям о цивилизационном превосходстве прибавились эволюционные теории Дарвина, социал-дарвинизм, развивавшие представления об иерархии рас и национальностей, что превратило «цивилизаторскую миссию» в мировоззренческий императив эпохи.

Идеология женской цивилизаторской миссии, по сути, была основана на тех же категориях развития и превосходства. Ее идеологическое оформление связывают с началом XIX в. – годами евангелического возрождения, когда протестантские моральные ценности возвращались в культуру и сознание британского общества. В период формирования новой экономической системы оказались, как никогда, востребованными ценности эпохи первоначального накопления, в том числе библейские представления о вторичности, подчиненности женщины, о ее обязанности поддерживать мужчину. Развивая идеи евангелизма, викторианские моралисты утверждали представления о превосходстве женской нравственности и религиозности, о способности женщин совершенствовать окружающих, и прежде всего мужчин. Созданный Ковентри Пэтмором в одноименной поэме образ «ангела в доме», «домашней святой, жрицы, чья моральная чистота и утонченная чувствительность охраняют святость домашнего пространства среднего класса от разлагающего влияния внешнего мира» [3, р. 5], стал воплощением представлений эпохи о женщине и ее предназначении. Можно сказать, что концепция женской цивилизационной миссии – порождение евангелизма, идеологии разделения и обособления сфер, а также социал-дарвинизма.

На использовании потенциала женского цивилизующего влияния была основана женская благотворительность. Эта деятельность соответствовала доминировавшим в обществе представлениям о нравственном превосходстве женского пола, несла на себе отпечаток религиозного рвения и женственности и не имела отношения к зарабатыванию денег. Женская филантропия самым тесным образом связывалась с оказанием очищающего морального влияния на тех, кто погряз в бедности, пороке, пьянстве и невежестве. Посещение тюрем, больниц и работных домов, создание сиротских приютов, домов для престарелых, исправительных заведений для бывших проституток – все это становилось формой реализации женской цивилизаторской миссии в собственной стране [7, р. 655–656].

Клэр Миджли обращает внимание на то, что «евангелизм, продвигая идеологию «разделенных сфер», на практике открывал промежуточную социальную сферу организованной благотворительной работы для женщин, которая могла расширяться до общественного продвижения социальных реформ и даже до вмешательства в политическую сферу» [11, р. 8]. Можно добавить, что «домашняя сфера» женщины расширялась вместе с продвижением филантропии и очень скоро достигла пределов империи, превращавшейся в «подходящую область женской деятельности» [1, р. 295]. Предполагалось, что женский пол идеально подходил для просвещения тех, чья «низкая раса и низкая мораль» не давали им продвинуться по пути прогресса [6, р. 386]. Распространение христианства и христианской морали, борьба против туземных суеверий и обычаев, образование составляли основу миссионерской деятельности англичанок в колониях.

Идея женского морального влияния очень быстро стала эксплуатироваться в эмиграционной риторике, которая с начала викторианской эпохи претерпела существенные изменения. До 1840-х гг. государство оценивало потенциал эмиграции главным образом в мальтузианских категориях – как механизм решения проблемы перенаселенности и средство избавления от всего ненужного в соб-

ственной стране. Неудивительно, что под первые правительственные схемы организованной эмиграции попадали пауперы, обитатели рабочих домов и сиротских приютов, широкий размах приобрела транспортировка осужденных. «Выгребной ямой британских отходов» называли колонии современники в этот период. В конце 1820 – начале 1830-х гг. впервые зазвучали тревожные нотки в отношении культуры и нравов переселенческих колоний. Особенно тревожило положение в Австралии. В общественном мнении австралийские колонии неизменно ассоциировались с каторжниками, беспорядком и моральной испорченностью. Их описывали как места, где «не осталось и десяти праведников, чтобы спасти город», где «матери не стыдятся продавать собственных дочерей еще до того, как юные создания узнают, что означает целомудрие, а мужья делают рынок из своих жен» [16, р. 110, 111]. Чаще всего предполагаемая развращенность колониальных сообществ связывалась с существенной диспропорцией полов. Первые попытки снабдить колонии женским полом, предпринятые в 1830-х гг., успехом не увенчались. Правительственные схемы бесплатной эмиграции вызывали ожесточенную критику на том основании, что англичанки пополняют ряды проституток в колониях и нисколько не способствуют их цивилизованности.

Трансформация доминировавших представлений об эмиграции связана с деятельностью колониального реформатора Эдварда Гиббона Уэйкфилда. Вместо бессистемной и беспорядочной эмиграции он предлагал планомерную колонизацию, нацеленную на создание уважаемого колониального общества. В качестве оптимального он рассматривал вариант создания в колониях некоего подобия Британии, с британской социальной структурой и британской культурой. Его идея предполагала трансплантацию в колонии представителей всех классов, полов и возрастов.

Жизненно важным элементом колонизации, по Э.Уэйкфилду, являлся религиозный фундамент, без которого любое общество неизменно скатится к варварству [15, р. 157–158]. Уэйкфилд доказывал, что «женщины более религиозны, чем мужчины, или, во всяком случае, в мире больше религиозных женщин, чем религиозных мужчин», что женщины были востребованы в строительстве цивилизованного религиозного сообщества и совершенно необходимы в каждой фазе колонизации: «Вы можете убедить религиозных мужчин эмигрировать и в то же самое время иметь колонию, в которой мораль и манеры будут отвратительны; но если вы убедите религиозных женщин эмигрировать, вся колония будет относительно добродетельна и вежлива. Что касается морали и манер, не так важно, каковы колониальные отцы, в сравнении с тем, каковы матери» [15, р. 156]. Таким образом, в эмиграционной идеологии Э.Уэйкфилда базой цивилизующего влияния женщин представляется религия. Благодаря усилиям Э. Уэйкфилда британское правительство и появляющиеся благотворительные организации при организации эмиграции перестали заботиться исключительно об интересах метрополии и начали принимать в расчет интересы колоний. Организация женской эмиграции становится заметной частью последовавших разнообразных эмиграционных схем и проектов колонизации.

Многие из идей Уэйкфилда были развиты еще одной широко известной персоной своего времени, Кэролайн Чисхолм. В 1840-х гг., проживая в Австралии, она создала «Дом для иммигранток», которым помогала трудоустроиться. Моральное восстановление Австралии и ее верность империи она связывала с «влиянием добродетельных женщин». «Политикой Господа» называла К.Чисхолм присутствие в колониях жен и маленьких детей. Она говорила: «Я не заинтересовалась бы женской эмиграцией, если бы не знала, как сильно они требуются как жены, и как много морального блага они могут распространить в обществе как жены» [10, р. 94]. Семья для К.Чисхолм являлась ключевым элементом колонизации.

В 1850 г. она создает «Общество выдачи ссуд для семейной колонизации» («Family Colonization Loan Society»), организующее эмиграцию лиц (не обязательно родственников), объединенных в семейные группы. Семейная группа задумывалась как модель саморегулирующейся дисциплинарной системы, в которой все члены «семьи» несли ответственность друг за друга. Систему, которую К.Чисхолм называла «партнерство в буше», давала поддержку и защиту эмигрантам и облегчала сложности адаптационного периода. Она давала возможность эмигрировать людям разных возрастов, тогда как правительственные эмиграционные схемы ограничивали право на помощь в эмиграции по возрасту и количеству детей в семье [12, р. 32–33].

Работа Кэролайн Чисхолм акцентировала внимание на роли семьи в процессе колонизации и способствовала активизации пропаганды «матримониальной колонизации». Это было отчасти связано с внезапным беспрецедентным интересом к проблеме диспропорции полов. Перепись 1851 г., вскрывшая гендерный дисбаланс, превышавший показатели любой другой европейской страны,

актуализировала новый социальный вопрос – «великий вопрос о старых девах» [9]. Попытки найти ответ на него последовали сразу же. И, разумеется, самым простым и «естественным» способом решения проблемы» [8, р. 17] представлялась женская эмиграция.

В вышедшем в свет в 1862 г. эссе Уильяма Грега «Почему женщины лишние?» женская эмиграция была представлена как способ восстановить нормальное соотношение между полами в Великобритании, повысить ценность женщин в стране и одновременно обеспечить процветание тем, кто выезжал. В принципе, решение, предложенное У. Греггом, соответствовало все той же мальтузианской логике избавления от «лишнего» в собственной стране. Создание супружеских союзов в колониях, по У. Грегу, должно было стать основной формой колонизации: «... если 250 000 мужчин без пары в колониях решилось бы иметь жен и пропорциональное количество незащищенных женщин в метрополии решилось бы иметь мужей, – могут и должны быть найдены средства сведения вместе спроса и предложения» [8, р. 17]. Матримониальная колонизация была благотворной прежде всего для колоний – У. Грегг был убежден в том, что если значительная часть населения того или иного общества находится в безбрачии, то это свидетельствует о нездоровом состоянии общества, поскольку «брак как союз одного мужчины и одной женщины безошибочно означает деспотический закон жизни» [8, р. 8]. Одинокую жизнь нельзя было делать легкой и привлекательной ни для мужчин, ни для женщин, ибо это предвещало разложение общества.

Идеи У. Грега повторялись с различными вариациями в эмиграционной пропаганде на протяжении последующих 50 лет. Она была нацелена прежде всего на одиноких женщин, которых убеждали в том, что в колониях их ждут тысячи британских мужчин, «способных дать своим женам положение, очень сильно отличающееся от услужения» [13, р. 23]. Пропагандистские шедевры представляли истории, в которых мрачные перспективы безбрачной бедности в переполненной Англии меняются на будущее замужнее процветание в колониях. Некоторые руководства для эмигранток, рассуждая о благоприятных перспективах для брака в колониях, даже давали советы женщинам, как выбрать из обилия мужчин подходящих партнеров [14, р. 10–13, 27–32]. В первую очередь матримониальные перспективы связывались с соотечественниками.

В середине XIX в. акцент в эмиграционной пропаганде окончательно смещается с религиозной, облагораживающей миссии женщины в колонии к миссии жены и матери. Новая миссия состояла не просто в том, чтобы создать пару эмигрантам мужского пола, но чтобы помочь распространению ценностей дома, семьи, что, собственно говоря, соответствовало настроениям британского общества в целом. Культ семьи в нем достиг расцвета именно в эти годы. Рассматривая семейную идеологию не как явление, свойственное западным странам в индустриальную эпоху, а исключительно как порождение собственной культуры, англичане мало сомневались в том, что распространение ценностей дома и семьи – их «естественный долг». Идея матримониальной колонизации оказалась на редкость жизнеспособной, она доминировала в эмиграционном дискурсе на протяжении фактически всей второй половины XIX в. В то же время мы не можем полностью разделять матримониальную и религиозную женскую миссии. И та, и другая предполагали цивилизующее влияние женщины. В середине века они скорее срослись и стали составными частями общей идеи женской цивилизаторской миссии.

В заключение еще раз отметим, что первая половина XIX в. стала временем идеологического оформления концепции женской цивилизаторской миссии. В эти годы на фоне евангелического возрождения развивались представления о подходящем месте женщины и ее особых эмоциональных и моральных качествах. Кроме христианских идей и доктрины разделенных сфер, на формирование представлений о женской цивилизаторской миссии значимое влияние оказали эволюционные теории эпохи. Организация женской эмиграции в «белые» колонии была самым тесным образом связана с идеей цивилизаторской миссии. Она определяла правительственные и частные схемы организованной эмиграции. Эта идея имела широкое распространение на протяжении всей викторианской эпохи, но расстановка акцентов менялась в зависимости от социокультурных изменений в самой Британии.

Литература

1. Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789–1918. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 408 с.
2. Моисеева Е. Н. Националистическая риторика и конфессиональный фактор во французском имперском дискурсе последней трети XIX в. // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 233–250.
3. Archibald D.C. Domesticity, imperialism, and emigration in the Victorian novel. Columbia: University of Missouri Press, 2002. 214 p.

4. Burton A. Burdens of History: British Feminists, Indian Women, and Imperial Culture, 1865-1915. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1994. 301 p.
5. Bush J. Edwardian Ladies and Imperial Power. Leicester: Leicester University Press, 2000. 233 p.
6. Bush J. «The Right Sort of Woman»: Female Emigrators and Emigration to the British Empire, 1890-1910 // Women`s History Review. 1994. V. 3. № 3. P. 385–405.
7. Dagers J. The Victorian Female Civilizing Mission and Women`s Aspirations towards Priesthood in the Church of England // Women`s History Review. 2001. V.10. № 4. P. 651–670.
8. Greg W. R. Why Are Women Redundant? L.: N.Trubner & Co, 1869. 39 p.
9. Krogulski S. Turning a Curse into a Blessing: Propaganda and the Emigration of British Single Women // CONCEPT – An interdisciplinary journal of graduate studies Villanova University. URL: <http://concept.journals.villanova.edu/article/view/328> (время доступа 17.11.2011).
10. Mackenzie E. Memoirs of Mrs. Caroline Chisholm, with an Account of her Philanthropic Labours, in India, Australia, and England. L.: Webb, Millington, and Co., 1852. 187 p.
11. Midgley C. Feminism and Empire: Women Activists in Imperial Britain, 1790-1865. L.: Routledge, 2007. 206 p.
12. Myers J.C. Antipodal England: Emigration and Portable Domesticity in the Victorian Imagination. Albany: State University of New York Press, 2009. 175 p.
13. Parr Traill C. The Female Emigrant`s Guide, and Hints on Canadian Housekeeping. Toronto: Maclear & Co., 1854. 40 p.
14. Servio. The Voyage Companion: A Parting Gift to Female Emigrants. L.: Charles Gilpin, 1850. 55 p.
15. Wakefield E.G. A View of the Art of Colonization, with Present Reference to the British Empire; in Letters Between a Statesman and a Colonist. L.: John W. Parker, 1849. 514 p.
16. Wakefield E.G. A Letter from Sydney, the Principal Town of Australasia. L.: Joseph Cross, 1829. 222 p.

УДК 947

Кудрявцев Александр Абакарович, Кудрявцев Евгений Александрович**ПОЛИТИКА РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕРВОГО РОМАНОВА (1613–1645 гг.)**

Статья посвящена мало изученной и актуальной проблеме Отечественной истории – развитию взаимоотношений Российского государства с народами Северного Кавказа в первой половине XVII в.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российское государство, Романов, развитие взаимоотношений, торговля, казаки, народы Северного Кавказа.

Kudryavcev Aleksandr A., Kudryavcev Eugene A.**THE POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE NORTH****CAUCASUS IN THE PERIOD GOVERNMENT OF FIRST ROMANOV (1613–1645)**

The article relates to by-ways of Russian history – development of relations of the Russian State with peoples of the Northern Caucasus in the first half of the XVIIth century.

Key words: Northern Caucasus, Russian State, Romanov, development relations, trade, Cossacks, peoples of the Northern Caucasus.

В феврале 1613 г. Земский (выборный) собор избрал новым русским царем шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова, вступление которого на российский престол ознаменовало не только воцарение новой династии, но и окончание «смутного времени». Один из основоположников русской историографической мысли XIX века Н. И. Костомаров (1817–1885) писал в связи с этим судьбоносным событием: «Мало в истории найдется примеров, когда бы новый государь вступал на престол при таких крайне печальных обстоятельствах, при каких избран был шестнадцатилетний Михаил Федорович» [2, с. 383]. На западе страны ряд областей были захвачены могущественными соседями – Польшей и Швецией, война с которыми ещё продолжалась. «Оба эти государства владели окраинами Московской державы и выставляли двух претендентов на московский престол двух соперников новоизбранному царю» [2, с. 383].

Действительно, это было очень трудное время для молодого царя и всего Российского государства. Польские и шведские отряды разоряли и грабили западные русские области, шайки наёмников и «воровских» казаков бродили в центре России и грабили территории даже в окрестностях